

Звуки циня звенели чисто и протяжно, будто то плача, то жалуясь. Постепенно мелодия становилась то тише, то стремительнее — словно россыпь нефрита билась о расколотый лёд, а длинное копьё рассекало лес стрел. В этой ясной и умиротворённой музыке таилось нечто тревожное, отчего у слушателя невольно холодело сердце. Монах за соседним столом развязал длинный свёрток. Внутри оказался чёрный цинь из павловнии. Он положил инструмент поперёк колен, приподнял запястья и, согнув пальцы, легко коснулся струн. Чистая мелодия поплыла над улицей. Прохожие один за другим останавливались послушать. Неподалёку, под ивой, стояла карета с фонарями из глазурованного стекла в форме бараньих рогов. Тонкая зелёная бамбуковая штора полностью скрывала тех, кто сидел внутри. Кучер был одет в тёмно-бурое, сопровождающий — в индигово-синюю форму, на поясе у него висела сабля в ножнах из рыбьей кожи. Он стоял прямо, словно сосна. С первого взгляда было ясно: хозяева происходили из знатного рода.

Поэтому обычные люди держались от кареты подальше. Когда пьеса закончилась, монах поднял голову. Заметив, что Лу Шэн смотрит на него не отрываясь, он улыбнулся чисто и спокойно, словно распустившийся лотос.

— Пьеса называется «Упокоение души». Услышав о трагедии, этот бедный монах мог лишь скромным умением почтить души погибших.

Лу Шэн поднялся, поклонился и улыбнулся:

— А вы занятный монах. Вместо того чтобы читать над умершими «Заклинание о перерождении», играете на цине, чтобы успокоить их души. Зато Лу Шэну посчастливилось послушать прекрасную музыку. Я Лу Шэн. Осмелюсь спросить имя наставника?

Монах сложил ладони в ответном приветствии.

— Моё монашеское имя Яое. Я странствующий монах из монастыря Чжулинь в Сюйчжоу. Способности мои невелики, и «Заклинание о перерождении» я ещё не освоил. Стыдно и перед Буддой, и перед господином гунцао.

Голос Яое был мягким и тёплым, речь — спокойной и размеренной, невольно вызывавшей уважение. Однако разговаривать дольше он не собирался. Убрал цинь обратно в чехол, снова надел шляпу с вуалью, попрощался с Лу Шэном и торговцем и ушёл. Лу Шэн проводил его взглядом до поворота улицы и только тогда обратился к торговцу:

— Почтенный, не подскажите, где находится храм Царя Лекарств?

Торговец торопливо поклонился и подробно объяснил дорогу к развалинам. Лу Шэн поблагодарил его и уже собирался уйти, как к нему поспешил тот самый телохранитель, который прежде стоял у кареты под ивой.

— Господин гунцао, прошу задержаться. Мой хозяин желает поговорить с вами.

Увидев, что Лу Шэн медлит, он добавил:

— Фамилия моего хозяина — Се.

Ван, Се, Юй и Хуань — все эти фамилии принадлежали великим родам. Этот знатный человек хотел встретиться с Лу Шэном, но даже не счёл нужным назвать имя и положение. Подобная надменность раздражала. Однако Лу Шэн происходил из незнатной семьи и не мог без причины обидеть представителя могущественного клана, поэтому последовал за телохранителем к карете. Тот доложил о госте. Из щели между зелёными бамбуковыми шторами показались две белые женские руки. Они подняли занавес и закрепили его, открывая девушку-служанку в абрикосово-жёлтой шёлковой кофте. На вид ей было двенадцать-тринадцать лет. Лицо у неё было миловидным. Она стояла на коленях внутри кареты, а за спиной у неё висела ещё одна перегородка — тонкая бледно-зелёная ткань, вышитая сливой, орхидеей, бамбуком и хризантемой. За ней угадывались два смутных силуэта.

Служанка в жёлтом учтиво поклонилась Лу Шэну.

— Эта служанка Жоде приветствует гунцао Лу. Моему хозяину хотелось кое о чём спросить. Простите за внезапное беспокойство.

Жоде улыбалась живо, а голос её звенел, как песня иволги. Силуэт за занавесом был неясен, но в самой его осанке ощущалась редкая утончённость. Из кареты тянуло прохладным ароматом благовоний. Лу Шэн решил, что хозяином, вероятно, является молодая госпожа из знатной семьи. Естественно, она не могла сообщить постороннему мужчине своё имя и тем более показаться перед ним. И всё же остановить незнакомца среди бела дня — смелости ей было не занимать. Лу Шэн поспешно сложил руки.

— Вы слишком учтивы. Что желает спросить ваша госпожа?

За занавесом едва заметно шевельнулась тень. Через мгновение оттуда раздался мягкий женский голос:

— Мой хозяин желает узнать: какой длины был цинь у того монаха?

Лу Шэн нахмурился. Сначала он подумал, что эта барышня просто мается от скуки, но затем вдруг почувствовал неладное и сосредоточенно припомнил увиденное. Он учился у наставника Шуйюэ и знакомился со всеми шестью искусствами благородного мужа. Цини делали по строгому образцу: обычная длина составляла три чи шесть цуней и пять фэней — в соответствии с числом дней года. Яое был высоким, заметно выше большинства жителей Центральных земель. На его фоне длина инструмента не бросалась в глаза. Лу Шэн задумчиво произнёс:

— Тот цинь... был длиннее четырёх чи.

Жоде удивлённо распахнула глаза, но ничего не сказала и лишь оглянулась на занавес. Ткань тихо зашелестела. Мягкий женский голос снова спросил:

— Осмелюсь уточнить: какой формы был инструмент? Были ли на нём старые трещины? Имелся ли «обугленный хвост»? Видели ли вы рисунок на нижней стороне?

Лу Шэн вспомнил руку монаха с палочками — устойчивую, как гора Тайшань. Тот спокойно положил четырёхфутовый цинь на колени и сумел сыграть превосходную пьесу посреди простого уличного лотка. И душевная выдержка, и мастерство пальцев у него явно были необыкновенными. Лу Шэн ответил:

— Форма «Учителя». Без выемки на талии, с верхним порожком, но без «обугленного хвоста». Плечи плавно опускаются и расходятся в стороны... Старых трещин нет. Остального, боюсь, я не разглядел.

После небольшой паузы из-за занавеса донеслось:

— У господина гунцао зоркий глаз. От имени хозяина благодарю. Он просил передать ещё одно: внутри циня скрыта гибельная ци. Тот монах не из добрых людей. Господину следует его остерегаться.

Опять разговоры о духах и нечистой силе. Лу Шэн лишь улыбнулся, как прежде торговцу, и поблагодарил. Жоде снова присела в поклоне.

— До новой встречи, господин гунцао.

Зелёная бамбуковая штора опустилась. Кучер и телохранитель тоже церемонно поклонились, после чего карета уехала. Потратив на всё это немало времени, Лу Шэн наконец направился в переулок Байшуй. Навстречу ему торопливо бежали двое молодых гвардейцев Юйлин в чёрной форме. Один был высокий, крепкий и смуглый, другой — среднего роста, светлокожий и приятной наружности. Оба одновременно сложили руки.

— Гунцао Лу.

Лу Шэн положил ладонь на чёрную рукоять меча, отделанную рыбьей кожей.

— Как раз вовремя. Цзи Чун, немедленно возвращайся в северный лагерь и найди советника Лю. Пусть поднимет два старых дела: первое — обезглавливание в деревне Убан четыре месяца назад, второе — обезглавливание в квартале Тунхуа полмесяца назад.

— Слушаюсь.

Светлокожий юноша приподнял бровь, вдруг принял таинственный вид и наклонился ближе.

— Старший брат Лу, я тоже слышал про дело в Тунхуа. Когда того мерзавца нашли мёртвым в переулке, соседи чуть ли не бегали поздравлять друг друга. Оставалось только петарды запустить и благовония зажечь...

Лу Шэн мягко улыбнулся:

— Цзишоу, иди уже.

Цзи Чуну было всего семнадцать. Он отличался живым характером и на мгновение забылся. Услышав, как Лу Шэн назвал его вторым именем, юноша наконец понял, что разболтался не к месту, слегка покраснел и поспешно сложил руки.

— Подчинённый... подчинённый выполняет приказ.

Он быстро пересёк переулок Байшуй, вскочил на коня и ускакал. Лу Шэн кивнул и повернулся к высокому смуглому гвардейцу.

— Байли Сяо, ты пойдёшь со мной поклониться Царю Лекарств.

Байли Сяо был крепок, словно железная башня, хотя на самом деле ему исполнилось всего восемнадцать. Он был молчалив и поэтому казался старше и степеннее своих лет.

— Слушаюсь.

Они направились к Шилипо, к западу от города. Поскольку шли к храму, Байли Сяо осторожно заметил, что «даже в обычные гости не принято приходить с пустыми руками». Лу Шэн рассмеялся, но всё же по дороге купил в лавке свечей и благовоний. Стуча копытами по дороге, они покинули город и добрались до Шилипо. Стояла глубокая зима. Небо к югу от Янцзы было хмурым. Хотя солнце поднялось уже высоко, вокруг было темно, словно начинались сумерки. Когда они добрались до подножия холма, моросил мелкий холодный дождь. Горная тропа быстро превратилась в грязь, поэтому оба спешили и повели коней за поводья. Пройдя около ли, они увидели на пожухлой траве у дороги знакомую карету с зелёным пологом и фонарями из глазурованного стекла.

Лу Шэн ещё только подумал, что где-то её видел, как кучер и стоявший рядом телохранитель молча поклонились ему. Бамбуковая штора приподнялась, и показалось милое лицо Жоде.

— Господин гунцао, какая встреча! Вы тоже решили поклониться чудотворному бодхисаттве?

Девушка была совсем юной, голос у неё звучал звонко и приятно, а ясные глаза казались

совершенно невинными. Она нравилась Лу Шэну, поэтому он ответил с улыбкой:

— Именно. Не ожидал снова встретить вашего хозяина.

Жоде поспешно поклонилась.

— Вы слишком вежливы. Мой хозяин уже поднялся на гору. Может быть...

Она хитро повела глазами. Увидев, что Лу Шэн и Байли Сяо ведут коней, продолжила:

— Дорога дальше тяжёлая. Если господин не возражает, оставьте коней здесь, чтобы они не мешали. Мой хозяин носит фамилию Се и живёт на севере города, в переулке Чжуцзе, возле моста Лома.

Земля в переулке Чжуцзе ценилась на вес золота, и жили там только знатные люди. Похоже, эта ветвь рода Се тоже обладала немалым весом. Неудивительно, что даже юная барышня из внутренних покоев вела себя настолько своевольно. Лу Шэн не любил лишний раз связываться со знатью, но ещё меньше ему хотелось спорить из-за такой мелочи. Он кивнул и велел Байли Сяо передать обоим коней кучеру.

— Тогда побеспокоим вас.

Они пошли дальше пешком. Лу Шэн даже порадовался, что взял с собой Байли Сяо. Будь рядом Цзи Чун, тот уже успел бы заговорить ему уши. Но Байли Сяо всё-таки был восемнадцатилетним юношей. Видя, как Лу Шэн невозмутимо поднимается наверх, он не выдержал и тихо спросил:

— Старший брат Лу, если наверху действительно находится знатная особа... вдруг мы ненароком её оскорбим...

Во все времена граница между аристократией и простолюдинами была строгой. Знатные кланы ставили себя почти вровень с императорским домом. Покойный император и нынешний правитель считались просвещёнными и вопреки сопротивлению знати продвигали на службу выходцев из незнатных семей. Но старый обычай — представителям великих родов и простолюдинам не ходить одной дорогой и не сидеть за одним столом — никуда не исчез. Лу Шэн спокойно ответил:

— Какая ещё знатная особа на горе? Ничего об этом не слышал. Та карета просто остановилась переждать дождь после прогулки и случайно встретилась нам по дороге.

Байли Сяо застыл, не зная, что сказать. Лу Шэн продолжал идти уверенным шагом. Его улыбка была тёплой, словно весеннее солнце.

— Мы расследуем убийство. Нам незачем сопровождать какую-то барышню из внутренних покоев и участвовать в её развлечениях. Если встретим — сделаем вид, что не знаем.

Байли Сяо растерялся ещё больше.

— Так... так это всё-таки госпожа?

Лу Шэн внезапно остановился. Его лицо мгновенно стало серьёзным. Байли Сяо уже хотел спросить, что случилось, но сам почувствовал в холодном ветре слабый запах крови. Они больше не говорили. Оба схватились за оружие и резко ускорились, бросившись к вершине. В покоем на туман мелком дожде две фигуры промчались по дороге, разбрызгивая грязь.

Через несколько десятков вдохов впереди показался полуразрушенный храм. Половина крыши провалилась, ворот давно не было. Здание напоминало умирающего старого зверя, разинувшего чёрную беззубую пасть и готового поглотить любого, кто приблизится. Запах крови становился всё сильнее. В распахнутом проёме будто мелькнула чья-то тень. Лу Шэн и Байли Сяо ворвались внутрь почти одновременно.

— Гвардия Юйлин ведёт расследование! Никому не двигаться!

Раздались два оглушительных удара металла о металл. Из-за стены молнией выскочил мужчина в одежде телохранителя и одним движением длинного копьё отвлёл оружие обоих. Лу Шэн сражался мечом, Байли Сяо — саблей. Они атаковали с двух сторон, производя внушительное впечатление, но хотели лишь запугать неизвестного, а не ранить его, поэтому вложили в удар не больше трети силы. И всё же от одного движения копьё меч Лу Шэна едва не вылетел из руки. Ладонь и предплечье онемели. Лу Шэн тут же насторожился. Отвлёл меч, принял стойку и вместе с Байли Сяо снова пошёл вперёд, прикрывая друг друга. Под ногами хрустели обломки камня и сухая трава. Холодный блеск меча разрезал серый дождливый воздух, словно молния пробила тучи. Телохранитель, однако, только защищался копьём.

— Господин гунцао! Не надо! Это недоразумение!

Лу Шэн замер и наконец узнал человека, которого видел возле кареты в переулке Байшуй. Вот беда. Он обменялся взглядом с Байли Сяо, убрал меч в ножны и спросил:

— Что произошло?

Телохранитель был красивым мужчиной лет двадцати с небольшим. На нём была индиговая форма, на поясе висела чёрная лакированная табличка. Он спокойно поклонился.

— Меня зовут Янь Сю. Мой хозяин находится внутри... Там два трупа.

Лицо Лу Шэна сразу помрачнело. Забыв о приличиях и о том, что за статуей якобы находится

молодая женщина, он поспешил в глубину храма. Передняя часть здания обвалилась, повсюду лежали куски кирпича и черепицы. Глиняная статуя пережила столько дождей и ветров, что краска облупилась. Голова, руки и большая часть лotosового постамента были разрушены. Можно было лишь различить сидящую фигуру. Под дождём светло-коричневая глина темнела, и казалось, будто на статую медленно опускается тень. Байли Сяо помнил, что за статуей должна находиться молодая госпожа. И остановить Лу Шэна было неловко, и следовать за ним — тоже. Ещё он никак не мог понять, почему телохранитель не попытался преградить им дорогу. Заодно вспомнил о брошенных по пути свечах и благовониях.

В конце концов юноша сложил ладони, мысленно попросил у бодхисаттвы прощения и занялся осмотром храма. Помещение было крошечным. За статуей оставалось место не больше половины обычной комнаты. Серые каменные плиты лежали неровно, между ними зияли трещины, заросшие травой. На полу лежали два тела — юноши и девушки. Оба ещё не достигли совершеннолетия, оба носили одежду из грубой ткани, как простые крестьянские дети. Головы их были неестественно склонены. На шеях зияли страшные раны глубиной почти до половины шеи. Одежда пропиталась кровью; ею же были забрызганы пол и жертвенный стол. Лу Шэн не успел толком осмотреть тела. Краем глаза он увидел, как у полуразрушенной задней двери мелькнул край чёрной одежды с серебряной вышивкой.

— Кто там?!

Он выхватил меч и бросился наружу. Храм стоял на небольшой площадке посреди склона Шилипо. За задней дверью росла высокая, по пояс, трава. Сквозь неё тянулась почти незаметная тропа, уходившая в густой лес софоры. Тёмная фигура двигалась стремительно, словно вспышка молнии, и уже исчезла среди деревьев. Лу Шэн невольно поразился. Такое искусство передвижения считалось бы выдающимся даже среди гвардейцев Юйлин. Он не стал недооценивать противника. Громко позвал Байли Сяо, но сам не замедлил ни на шаг и, преследуя тень, ворвался в лес.

<http://bllate.org/book/22499/2375494>